

НА ЮГ, В ОДЕССУ

Страницы биографии Ивана Бунина

ворят, лучший врачеватель — время.

Но сердце грустит и донныне...
И помню тебя я, как сон —
И близкой, и странно далекой,
Как в светлой воде небосклон...

В ДОРОГУ, скорее в дороге. По пыльным степям развеять печаль... И он уехал. Почему на юг — объяснить просто: в Одессе бывал и раньше, там были знакомые и друзья, шум моря, южный воздух действовали успокаивающе. Но какими мотивами вызвано посещение Николаева? Кто знает. Однако поездка эта запомнилась. И найдет свое отражение в его произведениях. Главным героем романа «Жизнь Арсеньева», написанного на ярко выраженной автобиографической основе, отметит: «Я зачем-то съездил в Николаев». Причины этой поездки ему самому не ясны. Он мучительно размышляет:

«А Николаев? Зачем нужен был Николаев? Едучи, я кое-что записывал:
— Лунная моирная ночь. За окнами ровная степь, черная грязь дорог. Весь вагон спит, сумран, огарок толстой свечи в пыльном фонаре. В опущенное окно дует полевой сыростью, которая странно мешается с густым, вонючим воздухом вагона...».

Такой запечатлился дорога на Николаев в памяти главного героя романа. Вне сомнений, что литературный персонаж тут говорит устами автора, во всяком случае передает его впечатление и чувствования. Слова Арсеньева перекликаются с дневниковыми записями автора романа об этой поездке. Их много лет спустя приведет жена писателя Вера Николаевна Муромцева-Бунинна в книге «Жизнь Бунина» (Париж, 1958).

Затем был Николаев. Город, которому в ту пору уже перевалило за сотню лет. За эти годы с его ступеней были спущены на воду десятки боевых кораблей, многие из которых пролавились в сражениях до века. Иван Бунин, взявший билет до Одессы, естественно, не мог знать, что скоро, через каких-то полтора года на николаевской судовой верфи будет заложен

прославившийся впоследствии на весь мир броненосец «Потемкин», который в свое время Ленин назовет непобежденной территорией революции. О нем он услышит, как и вся вздыбленная народным гневом Россия летом 1905 года. Но наиболее полные и правдивые подробности он узнает из письма одесского приятеля А. М. Федорова: «Освещенный заревом колоссального пожара, охватившего весь порт, он гордо стоял на рейде, освещая прожекторами эту невероятную феерию из крови, огня и залпов...».

В письме сообщалось также о том, что Севастополь и Николаев объявлены на военном положении. Как знать, возможно, прочитав эти строки, писатель вспомнил свое давнее посещение корабельного города, хотя корабли, единственное, чем славился тогда Николаев, вероятно, Бунина интересовали мало. Все впечатления от пребывания в городе и наблюдения по пути от николаевского порта до Очакова вместились в несколько строк дневниковой записи:

«Николаев, Буг. Ветрено и прохладно. Низкие глиняные берега, Буг пустынен. Устье, синяя туча, громадой подымающаяся над синей сталью моря. Из-под боков парохода развалы воды... бегут сквозь решетку палубы...».

С погодой явно не повезло. Обычно в эту пору стоят теплые солнечные дни. Зеленые степи наполнены радостью жизни, на спокойной поверхности лимана раскиданы бесчисленные точки рыбацких лодок. При ветре же, конечно, Буг, неласков. Писатель, стоя на палубе, от влажной прохлады зябко втягивал голову в плечи, и смотрел на пенный след от винта позади парохода, быстро растворяемый невысокой рябью волны.

...Пароход спокойной пытит, разрезая бугскую волну. Поражает вот что — река в устье чрезвычайно широка и могуча, берега из-за огромного расстояния едва различимы даже в ясную погоду. Как море. Но море — впереди, вон

виднеются белые паруса...
Отчего ты прекрасно,
вечернее небо?
Оттого ль, что далеко земля,
Что с прощальною грустью
закат угасает
На косых парусах корабля?..

Справа по борту белеют домики на крутом берегу — это горд русской славы Очаков. Налево — желтеет кончик песчаной Кинбурнской косы, над которой в свое время развевались боевые знамена суворовских войск. Если провести условную линию от Кинбура, как сокращенно называют косу, до Очакова, — это и будет граница между рекой и морем. Наблюдательный глаз, особенно в солнечную погоду, легко заметит эту линию по различному цвету воды. У Бунина цепкий писательский взгляд, он отметит в дневнике немногословно, но предельно точно:

«Выход из устья реки в море: речная мутная, жидкая вода сменяется чистой, зеленой, тяжелой и упругой морской... Другой ветер, другой воздух, радость этого ветра, простора, воздуха, счастья жизни, молодости... Яркая зелень волн, белизна чаек, запахи паровой кухни... Уже слегка подымает и опускает, — это было тоже всегда радостью, — и от этого особенно крепко и ловко шагаешь по выпуклой, недавно вымытой гладкой палубе и глядишь с мужской жадностью, как на баче кто-то стоит, придерживает одной рукой шляпу с развевающейся от ветра дымчатой вуалью, а другой обвивающие ее по ногам полы легкого пальто».

Море справа и слева, сзади и впереди, море вокруг. Только чайки, пикирующие на крутую волну и выхватывающие из воды мелкую рыбешку, да дальние огни маяков свидетельствуют, что земля близка. И действительно, через некоторое время пейзаж меняется:

«Неподвижные, крупные, металлические белые, электрические, высоко висящие огни поздней ночью, в пустом и тихом порту. Тени папгаузов. Крысы. Мачты барок в порту начались мерно, дремотно, будто сожалая о чем-то».

Это Одесса, какой ее увидел писатель по прибытии. Двадцать девятого мая — на всю дорогу от Полтавы до Одессы ушло только пять суток — Бунин был уже в Люстдорфе, дачном пригороде портового города, сидел на прибрежных

скалах, слушая мерный говор прибоя, ходил в степь, где ветер гонял другие волны — пшеничные, и сравнивал это, теплое, рукотворное, одухотворенное людьми, хлебное море с морем естественным — холодным, синим и, увя, бездушным.

ОДЕССА в жизни Бунина занимает особое место. Это город, к которому он постоянно питал симпатию, это неизменный перекресток его многочисленных странствий. Сюда он приезжал отдыхать, подышать морским воздухом, насыщенным влагой, солью и запахами рыбы, отсюда отчаливал в зарубежные путешествия, а возвращаясь из дальних стран, с радостью и облегчением ступал на одесский берег — берег Родины.

Здесь он впервые увидел Куприна — именно в этот приезд, в мае 1897 года, — они поселились на соседних дачах. Познакомились и дружились.

Бунин вспоминал: «В это чудесное лето, в южные теплые ночи мы с ним без конца сидели и сидели на обрывах над бледным летаргическим морем, и я приставал к нему, чтобы он что-нибудь написал, хотя бы просто для заработка».

В Одессе он бывал бесчисленное количество раз. Дружил с писателями и художниками, членами «Товарищества южнорусских художников», которые регулярно устраивали свои традиционные «четверги», здесь подружился с живописцем и литератором П. А. Нилусом, сотрудничал в газете «Южное обозрение», женился на дочери издателя Н. П. Цакни-Анне Николаевне (брак этот, к сожалению, не принес ему счастья), написал целый ряд прозаических произведений и стихотворений. Наконец, из Одесского порта он уплыл в чужие края, чтобы никогда не вернуться на Родину. Революцию он не понял и не принял — в этом трагедия талантливого писателя. Его настроение в те последние перед эмиграцией дни убедительно передано в «Повести о жизни» К. Паустовского:

«Однажды к нам в редакцию пришел Бунин. Он был обеспокоен и хотел узнать, что происходит на фронте. Стоя в дверях, он долго стаскивал с правой руки перчатку. На улице шел холодный дождь, кожаная перчатка промокла и прилипла к руке.

Наконец он стянул перчатку, мельком осмотрел серыми спо-

койными глазами дымную комнату, где мы сидели, и сказал: — Да у вас небогато.

Мы почему-то смущились, а Назаров ответил:

— Какое уж тут богатство, Иван Алексеевич, На ладан дышим.

Бунин взял стул и подсел к столу Назарова.

— Истати, — сказал он, — вы не знаете, откуда взялось это выражение «дышать на ладан»?

— Нет, не знаю.
— В общем — неонет — сказал Бунин и помолчал. — Дождь, холод, мрак, а на душе спокойной. Вернее, пусто. Похоже на смерть.

— Вы загрузили, Иван Алексеевич, — осторожно сказал Назаров.

— Да нет, — ответил Бунин. — Просто неудобно стало на этом свете. Даже море пахнет ржавым железом».

Поток эмиграции вынес Бунина из России: 26 января (старый стиль) 1920 года писатель с женой Верой Николаевной Муромцевой-Бунинной уехал из Одессы в Константинополь, оттуда — через Болгарию и Сербию в Париж. Тридцать три года жизни прошло вдали от Родины. За эти годы чего только не было: лишения и слава, существование в изоляции, коричневая чума, заполонившая Европу, и славный триумф победы над фашизмом. Все промелькнуло, как в калейдоскопе. Постоянной оставалась только глубокая тоска по России, к которой он был привязан сердцем.

За эти годы Бунин много написал. Но, по словам А. Твардовского, среди написанного им были как замечательные произведения (9 ноября 1933 года Ивану Алексеевичу была присуждена Нобелевская премия «за строгий артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе типический русский характер»), так и немало такого, что могло вызвать лишь сожаление о судьбе художника. В отрыве от Родины «произошла не только довременная и неизбежная убыль его творческой силы, но и само его литературное имя понесло известный моральный ущерб и подернулось рыской завесью...».

И кто знает, как сложилась бы судьба писателя, не покинь он Родину или вернись сюда обратно, какие шедевры вышли бы из-под его пера, не порвал он связи с родной землей, получая постоянно живительные духовные соки своего народа, своей отчизны.

В. ПАСЕЧНИК.